

В Москву приехала Вальтрауд Майер

Визит валькирии

Поляра Садых-Заде

Похоже, Москва подседа на Вагнера: в прошлом сезоне в Большом театре поставлен «Летучий голландец», летом Мариинский театр привез показать в столицу свое «Кольцо нибелунга», а по осени с перерывом в три дня Московская филармония представила сразу два вагнеровских проекта — «Тристана и Изольду» в зале Чайковского и концерт знаменитой вагнеровской певицы Вальтрауд Майер в Большом зале Консерватории.

Приезд звезды первой величины инициирован Большим театром, сформировавшим в этом сезоне абонементный цикл с участием ведущих оперных певцов мирового класса. Но даже в таком контексте концерт Майер — поистине выдающееся событие. Кажется, ей самой судьбой было предназначено петь Вагнера: даже ее имя — Вальтрауд — могло бы принадлежать одной из валькирий. Статная, рыжеволосая, с крупными, выразительными чертами лица, она проживает на сцене целую жизнь. Магии ее уникального голоса — выносливого, экспрессивного драматического сопрано с неожиданно глубокими нижними нотами — поддаешься моментально и навсегда.

В Москве программа выступления была составлена умно и выигранно: сначала — трогательный первый акт «Валькирии», в котором близнецы Вёльсунги, разлученные в детстве, встречаются, узнают друг друга и впадают в любовный экстаз со всем не родственных чувств.

Во втором отделении — второй акт «Парсифаля»: в замке волшебника Клингзора Кундри обольщает простеца Парсифаля, а вокруг них вьются и поют девы-цветы.

Концертное исполнение опер — дело, в общем, неблагодарное: когда нет драматического действия, актерской игры, декораций и театрального света, музыкальные длинноты обычно особо очевидны. Но только не тогда, когда поет Майер. Она подчеркивает мимикой, игрой каждую значимую ноту, интонацию, фразу; высокие ноты ее голоса будто пробивают барабанные перепонки насквозь. Благо и партнер подобран подходящий — английский тенор Кристофер Вентрис, только что спевший ведущую партию на премьере «Кардильяка» в Opera Bastille, поражал воображение звучным, реактивным тембром голоса. Вместе с тем естественность его вокала подкупала — все получалось как-то легко, будто бы само собой.

Вентрис — крупного сложения, высокий, молодой, ясноглазый — смотрелся чрезвычайно импозантно. Ценное и довольно редкое у теноров качество — сценичность: часто встречаются тенора мелкие и плюгавые, а ведь в мировой оперной литературе именно для этого тембра пишутся партии героев и героев-любовников.

Другой партнер, бас-баритон Павло Хунка, пел партии Хундинга в «Валькирии» и злого волшебника Клингзора в «Парсифале». Его почти карикатурная внешность и зычно рокошующий голос

Фото: Владимир Афанасьев / Газета

внесли темную краску в звуковую палитру вечера, удачно оттенив голоса Майер и Вентриса. Несомненных похвал заслуживает и оркестр Большого театра, ведомый Александром Ведерниковым. Чувствовалось, что партитура прослу-

шана, отрепетирована, отработана до мельчайших штрихов и завитушек. Хотелось бы, пожалуй, пожелать чуть меньшей регулярности ритма, большей мягкости звучания струнных. Впрочем, это впечатление отчасти объясняется

тем, что оркестр сидел не в оркестровой яме, а на сцене. В целом же ясно, что оркестр явно совершенствуется в искусстве интерпретации Вагнера, как и сам Ведерников, умело и расчетливо выстроивший драматургию вечера.